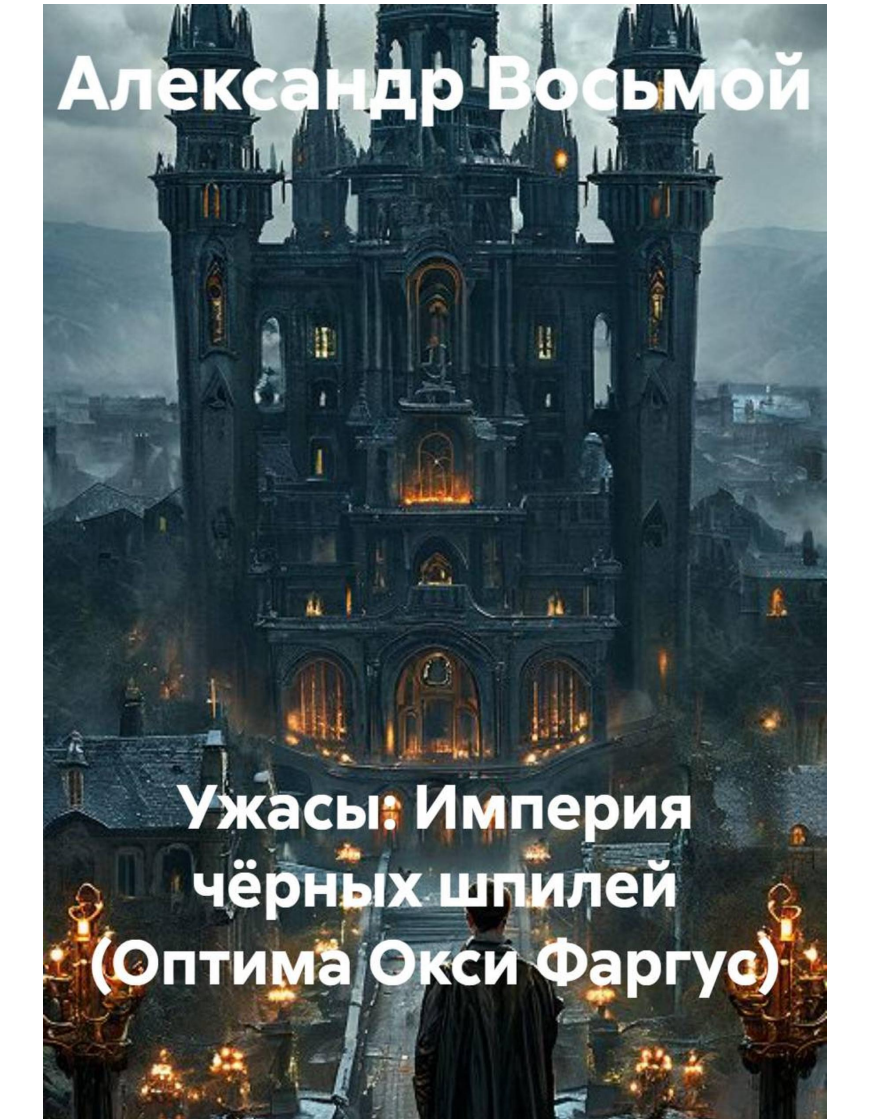

Александр Восьмой

**Ужасы: Империя
чёрных шпилей
(Оптимизм Окси Фаргус)**

Александр Восьмой Ужасы: Империя чёрных шпилей (Оптима Окси Фаргус)

<https://litres.ru/74223242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя чёрных шпилей. Империя, выстроенная из обсидиана, держится на страхе и древних ритуалах. Её шпили пронзают небо, а в подземельях пробуждается древнее зло. Молодой офицер узнаёт о заговоре, который может обрушить всю державу, и оказывается между молотом дворцовых интриг и наковальней пробуждающегося ужаса.

Александр Восьмой

Ужасы: Империя

чёрных шпилей

(Оптимист Окси Фаргус)

Глава 1. «Тени у подножия шпиля»

Парад шёл по главной артерии столицы — широкой улице, зажатой между стенами из полированного обсидиана. Камень не отражал свет, а будто поглощал его, и даже полуденное солнце казалось здесь тусклым, словно светило сквозь толщу воды. Над крышами взмывали шпили — чёрные, острые, будто застывшие удары молнии. Они пронзали небо, и Кайрону казалось, что если присмотреться, можно увидеть, как воздух вокруг их вершин слегка дрожит, будто реальность там чуть тоньше.

Кайрон стоял в строю третьего эскадрона, новенький, ещё не стёрший с сапог пыль дальних гарнизонов. Форма сидела непривычно: жёсткие швы тёрли плечи, а тяжёлый плащ с имперским гербом казался не защитой, а клеймом. Он старался держать спину прямо, взгляд — прямо перед собой, но любопытство тянуло голову в стороны. Впервые он видел столицу так близко, впервые вдыхал этот воздух — тяжёлый, пропитанный запахом смолы, металла и чего-то ещё, едва

уловимого, но неприятного, будто где-то рядом тлеет старый пергамент.

Впереди, на возвышении, замерли высшие офицеры и советники. Их плащи отливали багрянцем, а на груди поблескивали медальоны с гравировкой — знаки власти, которые в провинции видели только на гравюрах. Между рядами гвардейцев сновали курьеры, передавая записки, и каждый их шаг был выверен, как движение шестерёнок в часах. Империя работала, и парад был не просто демонстрацией силы — это был механизм, показывающий, как идеально, до последнего человека, она отлажена.

Но именно в этой идеальности Кайрон и заметил трещину.

На стыке колоннады и боковой галереи один из гвардейцев — высокий, с рубленным шрамом над бровью — на секунду вышел из строя. Он не нарушил шаг, не замедлился, но его движение было слишком плавным, слишком скрытным. Он наклонился к фигуре в тени, и в этом наклоне не было уставной чёткости — была тайна. Свиток, перетянутый чёрной лентой, скользнул из ладони в ладонь, и тень приняла его, не поднимая головы. Лицо осталось в темноте, но Кайрон успел заметить руку — тонкую, с длинными пальцами, и на запястье блеснуло что-то металлическое: не гвардейский браслет, не офицерский знак, а что-то иное, витое, похожее на узор из шипов.

Секунда. Две. И всё вернулось на свои места. Гвардеец

снова стоял в строю, тень растворилась в полумраке, а парад шёл дальше, как будто ничего не произошло. Но в груди у Кайрона что-то сжалось — не страх, а предчувствие, острое, как лезвие. Он знал: это не просто передача приказа. Это был шёпот за спиной у громады Империи.

Когда солнце коснулось шпилей, отбрасывая длинные чёрные тени, парад завершился. Толпа разразилась криками, офицеры обменялись сухими кивками, и строй начал рассыпаться. Кайрон двинулся вместе со всеми, но его взгляд снова и снова возвращался к той колоннаде, к тому углу, где тень забрала свиток. Он хотел подойти, присмотреться, но внутренний голос шептал: не сейчас. Слишком много глаз.

Ночь пришла быстро, как будто город специально торопился спрятать свои тайны. Улицы опустели, фонари зажглись не сразу, и первые минуты столица стояла в полутьме, будто затаив дыхание. Кайрон шёл по казарменному коридору, когда почувствовал это.

Сначала — вибрацию. Лёгкую, почти незаметную, она шла не по воздуху, а сквозь камень. Плиты под ногами едва ощутимо дрожали, как будто где-то глубоко под городом билось огромное сердце — и ритм его был неправильным, рваным. Затем пришёл запах. Он накатиł волной, густой и тяжёлый, как запах сырости в заброшенном склепе, смешанный с чем-то кислым, древним. Запах гнили, которая не разлагается, а живёт.

Кайрон остановился, приложил ладонь к стене. Камень

был холодным, но под пальцами чувствовалось движение — не тепло, а энергия, чуждая, тяжёлая. Он огляделся: в коридоре никого не было, но в тишине слышался шёпот. Не слова, а звуки — будто кто-то водил когтями по камню где-то очень глубоко.

«Подземелья», — подумал Кайрон. Там, под дворцом, под улицами, под самими шпилями, лежали старые уровни, о которых говорили шёпотом. Говорили, что там держали тех, кто знал слишком много, и тех, кого Империя хотела забыть. Говорили, что стены там покрыты символами, которые никто не решается читать вслух. И теперь эти стены будто отвечали.

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, но что-то удержало его. Не страх, а понимание: сегодня он не должен спустаться туда. Сегодня он должен запомнить то, что видел днём. Тот свиток. Ту тень. И этот запах, который не принадлежал городу.

Империя чёрных шпилей казалась несокрушимой. Её шпили вонзались в небо, как клинки богов, её стены были толще, чем память людей, её ритуалы держали в узде даже время. Но Кайрон теперь знал: в фундаменте этой громады уже ползёт трещина. И если не заметить её сейчас, завтра она станет пропастью.

Он вернулся в свою каморку, закрыл дверь и сел на край узкой кровати. В темноте его пальцы нащупали блокнот — старый, потрепанный, с пожелтевшими страницами. Он до-

стал карандаш и начал писать. Не отчёт, не рапорт — просто заметки. Имена. Лица. Детали. То, что другие могли бы счесть мелочью, а он — ключом.

За окном шпили чернели на фоне ночного неба, и Кайрону вдруг показалось, что они не защищают город, а держат его в плену. Что они — не клинки богов, а иглы, пронзающие саму землю, чтобы что-то не вырвалось наружу. Или чтобы что-то не сбежало.

А где-то внизу, в глубине, камень снова дрогнул. И шёпот стал чуть громче.

Глава 2. «Кровь на холодном камне»

Западные ворота выглядели так, будто их возводили не для того, чтобы защищать город, а чтобы напоминать: отсюда нет пути назад. Массивные створки из чёрного обсидиана, прошитые полосами кованого железа, уходили вверх на три человеческих роста, а по бокам вздымались сторожевые башни — словно два угрюмых стража, следивших за каждым, кто осмеливался приблизиться. Над аркой висел барельеф: стилизованное око, окружённое шипами. Говорили, что это символ бдительности. Кайрону теперь казалось, что оно смотрит с насмешкой.

Он пришёл сюда не по приказу, а вопреки ему. Формально расследование исчезновения караула поручили другому офицеру, но Кайрон не мог отделаться от мысли, что эта тишина — не отсутствие событий, а пауза перед чем-то чудо-

вищным. Его рапорт о странной передаче свитка на параде так и остался без ответа, и это молчание говорило громче любых слов.

Следы нашлись быстро — слишком быстро, будто кто-то хотел, чтобы их нашли. На брусчатке у внешней стены темнели капли, слишком густые, чтобы быть водой. Они вели не прочь из города, а внутрь — к служебным проходам, к люкам, ведущим в нижние уровни. Кайрон спустился по ржавой лестнице, держа в руке фонарь, чей свет казался здесь жалким, бессильным против тьмы, которая будто жила в этих стенах.

Катакомбы встретили его холодом, который проникал не сквозь одежду, а сквозь кожу. Воздух был неподвижен, как в склепе, и в нём витал тот самый запах — древняя гниль, смешанная с чем-то металлическим. Стены здесь были не гладкими, как наверху, а грубо вырубленными, и на них темнели выщербленные символы — не имперские знаки, не буквы, а нечто более древнее, будто высеченное когтями.

Следы вели всё глубже, в те уровни, о которых в учебниках не писали. Здесь, по слухам, раньше держали ритуальных пленников — тех, кого использовали в обрядах, поддерживающих силу шпилей. Теперь эти коридоры были заброшены, и тишина здесь звучала не как покой, а как ожидание.

И вот он нашёл их.

Караул лежал не кучей, а будто расставленный по какому-то жуткому порядку. Пятеро гвардейцев, в полной эки-

пировке, но безжизненные, их лица застыли в выражении не боли, а ужаса — такого, который приходит не от клинка, а от того, что нельзя назвать словами. А в центре, чуть впереди, лежал командир отряда — капитан Варн. Его доспех был цел, ни царапины, но на груди, прямо поверх нагрудника, темнел выжженный символ. Он не был похож ни на герб Империи, ни на знак какого-либо легиона. Это была спираль, но не плавная, а рваная, будто нарисованная дрожащей рукой, и от неё расходились тонкие линии, напоминавшие трещины.

Кайрон опустился на колено, не решаясь коснуться, но понимая, что должен запомнить каждую деталь. Он достал блокнот, пальцы слегка дрожали, но он заставил себя писать чётко: положение тел, направление следов, узор символа. И в этот момент из темноты донёсся шёпот.

Сначала он подумал, что это эхо его собственных шагов. Но шёпот нарастал, становясь отчётливее, и слова были на языке, которого Кайрон не знал. Язык звучал так, будто слова рождались не во рту, а в самой тьме — с хрипом, с треском, как ломающиеся кости. Фразы не складывались в смысл, но в них чувствовалась команда, призыв, нечто, что хотело, чтобы его услышали.

Кайрон резко поднял голову, вглядываясь в темноту. Там, в проломе стены, где когда-то была арка, теперь зияла неровная дыра. Из неё сочилась тьма, не просто отсутствие света, а что-то плотное, живое. И из этой тьмы что-то появилось.

Оно двигалось не как человек и не как зверь. Его очерта-

ния постоянно менялись: то казалось, что это высокая фигура в рваном плаще, то — клубок теней, переплетённых с костями. Оно сделало шаг, и камень под ним затрещал, будто не выдерживал его веса. Глаза, если это были глаза, горели тусклым, багровым светом, и в этом свете Кайрон увидел отражение собственного ужаса.

Инстинкт сработал раньше разума. Кайрон метнулся в сторону, выхватывая клинок, но не для атаки — для защиты. Тень рванулась вперёд, и воздух вокруг неё исказился, будто реальность трескалась, как тонкий лёд. Меч прошёл сквозь неё, не встречая сопротивления, но холод, оставшийся на лезвии, был таким, что пальцы онемели.

Существо взвыло — звук был не голосом, а скрежетом камня о камень. Оно метнулось к пролому, а затем исчезло, оставив после себя лишь запах гнили и ощущение, что тьма здесь стала чуть гуще.

Кайрон отступил, прижимаясь к стене, пытаясь унять дрожь. Он понимал: это не обычный враг. Это не дезертир, не наёмник, не мятежник. Это было нечто, что Империя пыталась похоронить под своими шпилями, запечатать в этих катакомбах, скрыть за ритуалами и страхом. И теперь оно просыпалось.

Он посмотрел на тело капитана Варна, на выжженный символ, и понял: заговор не просто хотел свергнуть власть. Он хотел разбудить то, что должно было спать вечно. И каждый шаг Кайрона приближал его к разгадке — и к гибели.

Собравшись, он быстро сделал ещё несколько замечаний, стараясь не смотреть на лица погибших. Затем поднялся, погасил фонарь и двинулся обратно, но теперь его шаги были тише, осторожнее. Он знал: за ним могут следить не только люди.

Когда он выбрался на поверхность, рассвет только начал окрашивать шпили в багровые тона. Город просыпался, люди выходили на улицы, не подозревая, что под их ногами шевелится нечто древнее и голодное. Кайрон остановился на мгновение, глядя на чёрные шпили, пронзающие небо. Они казались не защитой, а клеткой — огромной, величественной, но всё же клеткой, которая могла не удержать того, что рвалось наружу.

Он сжал рукоять меча, чувствуя холод металла, и пошёл прочь, зная, что теперь у него нет пути назад. Тайна, которую он начал раскрывать, могла стоить ему жизни — но если он не узнает правду, Империя падёт, погребая под собой весь мир.

Глава 3. «Силуэт за горизонтом»

Сторожевая башня стояла на самом краю укреплённой линии — там, где брусчатка столицы сменялась серой пылью пустошей, а горизонт будто обрывался, не желая показывать, что лежит дальше. Кайрон поднялся сюда не по приказу, а чтобы перевести дух: после катакомб ему казалось, что воздух наверху слишком лёгкий, почти невесомый, и от этого

кружилась голова. Он оперся ладонями о холодный парапет из обсидиана и посмотрел вдаль — туда, где пустыня сливалась с небом в единую серую пелену.

И вдруг он увидел его.

Силуэт. Не гора, не гряда холмов, не скопление скал. Это было нечто иное — будто буря застыла в одном мгновении, превратившись в город. Контуры были рваными, словно нарисованными молнией: острые пики, нагромождения форм, которые не подчинялись законам обычной архитектуры. Казалось, что этот город не стоит на месте, а плывёт, едва заметно смещаясь, будто дышит. Кайрон прищурился, пытаясь поймать чёткие линии, но чем дольше он смотрел, тем сильнее казалось, что очертания меняются, ускользают от взгляда, как тени в полумраке.

Рядом скрипнула деревянная ступенька. Кайрон не вздрогнул — за последние сутки он научился держать лицо неподвижным даже тогда, когда внутри всё сжималось от напряжения, — но руку невольно положил на рукоять меча. На площадку поднялся старик-смотритель — седой, с лицом, изрезанным морщинами, будто трещинами на старом камне. Он остановился рядом, посмотрел туда же, куда и Кайрон, и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Видал? Город, который ходит. Так в старых сказках говорили. Будто он появляется, когда небо темнеет раньше срока, а шпили начинают петь.

Кайрон покосился на старика. Тот не выглядел безумцем:

в его глазах была не пустота, а знание — тяжёлое, выстраданное.

— Что это за место? — тихо спросил Кайрон.

Смотритель хотел было ответить, но вдруг резко замолчал. Его взгляд метнулся куда-то за спину Кайрона, и лицо мгновенно стало пустым, будто кто-то стёр с него все эмоции. Кайрон обернулся.

По лестнице поднимался имперский дознаватель — высокий, в чёрном плаще с серебряными пуговицами, лицо строгое, неподвижное, как маска. За ним шли двое охранников, держа руки на эфесах мечей. Дознаватель остановился, окинул взглядом площадку, задержался на Кайроне, затем коротко кивнул смотрителю. Тот тут же отступил в тень, будто растворился в полумраке башни.

— Офицер Кайрон, — голос дознавателя звучал ровно, без интонаций, как приказ, высеченный на камне. — Вас ждут в архивах. Есть вопросы по вашему рапорту.

Кайрон кивнул, стараясь не выдать ни удивления, ни тревоги. Он знал: в Империи не вызывают «просто поговорить». Особенно после того, как ты сунул нос в катакомбы и увидел то, чего видеть не должен был.

Архивы располагались в самом сердце дворцового комплекса — в здании, чьи стены были толще, чем у крепости, а окна напоминали узкие бойницы. Здесь пахло старой бумагой, воском и металлом. Полки уходили вверх на несколько этажей, поддерживаемые массивными колоннами, и каза-

лось, что само здание — это гигантский механизм, который хранит не знания, а секреты.

В читальном зале Кайрона уже ждал архивариус — человек с бледным лицом и пальцами, покрытыми чернильными пятнами. Перед ним на столе лежала стопка папок, но все они были пустыми.

— Вы запрашивали материалы по восточным экспедициям, — сказал архивариус, не поднимая глаз. — За последние тридцать лет.

— Да, — коротко ответил Кайрон.

— Их нет.

Кайрон замер.

— Как нет? — он старался говорить спокойно, но в груди что-то сжалось.

— Исчезли. Все до единого. Ни отчётов, ни карт, ни личных дневников командиров. Даже регистрационные журналы переписаны так, будто этих экспедиций никогда не существовало.

Кайрон сделал шаг вперёд, но архивариус поднял на него глаза — в них была не враждебность, а предупреждение.

— Не спрашивайте, как это возможно, — тихо произнёс он. — И не ищите ответы там, где их специально не оставили.

Кайрона провели дальше — в кабинет, где стены были обиты тёмным деревом, а на полках стояли книги в переплётах из кожи, слишком гладкой, чтобы быть обычной. За массивным столом сидел генерал — не тот, кто командовал па-

радом, а другой: седой, с лицом, похожим на высеченный из камня профиль. Его взгляд был тяжёлым, как обсидиановый монолит.

— Кайрон, — генерал не предложил сесть, и это само по себе было знаком. — Вы заметили лишнее. Увидели то, что должны были пропустить. И теперь вы задаёте вопросы, на которые в Империи не принято отвечать.

Кайрон молчал, глядя прямо перед собой.

— Но у вас есть преимущество, — продолжил генерал. — Вы не из столичных. У вас нет связей, нет покровителей, нет долгов перед старыми семьями. Вы — чистый лист. И поэтому я предлагаю вам стать моими глазами.

Кайрон чуть нахмурился.

— Глазами?

— Да. Вы будете расследовать утечку информации. Официально — это дело о пропавших документах и подозрительных связях среди младших офицеров. Неофициально... — генерал сделал паузу, и в этой паузе повисло нечто большее, чем слова. — Неофициально мы оба знаем, что дело куда глубже. Катакомбы. Символы. Исчезновения. И этот «город», о котором шепчутся старики.

Кайрон почувствовал, как по спине пробежал холодок. Генерал знал. Он знал и про катакомбы, и про символ на груди капитана Варна, и, возможно, даже про тот силуэт за горизонтом.

— Почему я? — спросил Кайрон.

— Потому что если вы провалитесь — никто не будет горевать. А если преуспеете... — генерал чуть наклонил голову. — Тогда Империя запомнит ваше имя. Или забудет его навсегда.

Кайрон сжал пальцы в кулаки, но кивнул.

— Я согласен.

Генерал едва заметно улыбнулся — улыбка была не доброй, а хищной, как у зверя, который нашёл подходящую приманку.

— Отлично. Первое задание: проверьте все посты на восточных воротах. Узнайте, кто запрашивал доступ к старым картам. И не доверяйте никому, даже тем, кто кажется союзником.

Когда Кайрон вышел из кабинета, коридор показался ему слишком узким, будто стены медленно сдвигались, пытаясь его раздавить. Он шёл по дворцу, чувствуя на себе взгляды — не только живых людей, но и каменных изваяний, барельефов, теней, скользящих по полу. Теперь он понимал: за ним следят. Империя следит за каждым его шагом, проверяя, насколько он надёжен. Но и заговорщики не оставят его в покое — ведь он уже знает слишком много.

На выходе из дворца он остановился у арки, украшенной резьбой в виде переплетённых шипов. Вдалеке, за городской стеной, снова мелькнул тот силуэт — будто мираж, дрожащий в горячем воздухе. На мгновение Кайрону показалось, что город-буря наклонился к нему, словно хотел что-то про-

шептать.

Он крепче сжал рукоять меча и пошёл вперёд. Впереди ждали восточные ворота, старые карты и новые тайны. Но теперь он знал: каждое его действие — это ход в игре, где ставкой была не просто его жизнь, а судьба всей Империи чёрных шпилей. И если он ошибётся, тьма, пробуждающаяся в подземельях, поглотит всё — от самых высоких шпилей до самых глубоких катакомб.

Глава 4. «Сердце из обсидиана»

Запретный сектор библиотеки прятался там, где даже тени казались осторожнее: в самой глубине дворцового комплекса, под массивными сводами, которые будто давили на плечи, заставляя идти с опущенной головой. Сюда не пускали никого без особого допуска, а те, кто всё же попадал сюда, редко рассказывали о том, что видели. Кайрон знал это, но теперь у него был приказ генерала — и вместе с ним призрачное право ступать туда, куда раньше вход был заказан.

Он двигался по узким коридорам, где факелы горели тускло, будто не хотели освещать эти стены. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом пыли, старой смолы и чего-то ещё — тяжёлого, древнего, словно само время оседало здесь слоями. На стенах тянулись барельефы: фигуры в длинных плащах, поднимающие руки к небу, и шпили, пронзающие облака. В этих изображениях чувствовалась не слава, а напряжение — будто каждый камень был натянут, как струна.

Дверь в запретный сектор выглядела так, будто её создавали не для того, чтобы открывать, а чтобы никогда не открывать. Обсидиановая плита, вмурованная в стену, была гладкой, без ручек и петель, лишь по краям шли тонкие канавки, заполненные тёмным металлом. Замок не был механическим — он откликался на прикосновение, если у тебя был нужный знак. Кайрон приложил к плите перстень, который ему выдал генерал: металл едва слышно щёлкнул, камень дрогнул, и дверь медленно, с тяжёлым скрежетом, ушла в сторону.

Внутри было темно. Кайрон зажёл фонарь, и свет выхватил ряды стеллажей, уходящих в полумрак. Книги здесь были не в переплётах, а в футлярах из тёмного дерева, скреплённых железными полосами. На корешках не было названий — только символы, похожие на те, что Кайрон видел в катакомбах. Он двинулся вдоль полок, чувствуя, как тишина здесь становится почти осязаемой — она не была спокойной, она была насторожённой, будто библиотека сама знала, какие секреты хранит.

На одном из столов лежал раскрытый фолиант — страницы из тонкой кожи, исписанные угловатым почерком. Кайрон склонился над ним, и первые строки заставили его сердце биться чаще:

«Шпили суть резонаторы, удерживающие границу между мирами. Их сила — в ритме, в повторяемости, в жертве. Без ритуалов камень теряет голос, и граница истончается».

Кайрон провёл пальцем по строкам, будто хотел убедить-ся, что это не сон. Всё, о чём шептали в народе, оказалось правдой. Шпили не были просто архитектурой — они были гигантскими инструментами, настроенными на определённую частоту, которая удерживала древнее зло в подземельях. Ритуалы, которые Империя проводила с пугающей регулярностью, были не проявлением жестокости, а необходимостью. Без них шпили теряли силу, и тьма начинала просачиваться сквозь трещины в реальности.

Дальше шли схемы: чертежи шпилей с пометками о «точках напряжения», карты подземных уровней с обозначениями «узлов удержания». И среди них — фрагмент карты, который Кайрон сразу отметил: сеть тоннелей под главным шпилем, где сходились все линии силы. Он аккуратно снял копию, свернул пергамент и спрятал во внутренний карман.

И в этот момент библиотека вздрогнула.

Сначала это было похоже на далёкий раскат грома, но звук шёл не сверху, а снизу, из-под пола. Плиты под ногами дрогнули, и по стенам побежали тонкие трещины, словно камень пытался закричать. Затем раздался крик — не человеческий, а какой-то иной, будто сама тьма обрела голос.

Кайрон поднял голову. В проёме двери мелькнули силуэты — не тени, а люди в тёмных плащах, с масками, скрывающими лица. Они двигались быстро, без лишних движений, как механизмы. В их руках блеснули клинки, и Кайрон понял: это не стража, не дознаватели, не гвардейцы. Это были

те, кто хотел, чтобы Империя пала.

Первый из нападавших рванулся вперёд, и Кайрон едва успел отскочить. Клинок просвистел в сантиметре от его лица, оставив в воздухе запах озона и чего-то едкого. Кайрон выхватил меч, и сталь встретила сталь с резким звуком, который эхом разнёсся по залу. Он отбивал удары, отступая к стеллажам, понимая, что в открытом бою ему не выстоять — противников было слишком много, и они двигались с пугающей слаженностью.

Один из них замахнулся, целясь в грудь, и Кайрон ушёл в сторону, врезавшись плечом в стеллаж. Книги посыпались на пол с глухим стуком, и в этот момент он заметил узкий проход между полками — почти незаметный, ведущий в сторону служебных коридоров. Он метнулся туда, слыша за спиной тяжёлые шаги и шёпот на том самом забытом языке, который он уже слышал в катакомбах.

Проход вывел его в небольшую комнату, заставленную ящиками. Здесь пахло сыростью и металлом, а на стене висела карта — та самая, фрагмент которой он уже скопировал. Кайрон на мгновение задержался, вглядываясь в линии, пытаясь запомнить каждую деталь. И тут дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое.

Они не стали медлить. Один бросился вперёд, другой обошёл сбоку. Кайрон отбивал удары, чувствуя, как руки начинают гореть от напряжения. Его клинок скользил по их оружию, оставляя на металле чёрные следы — будто сталь разь-

едала сама себя. Он понимал: эти мечи были не простыми, они были созданы для разрушения, для того, чтобы ломать не только плоть, но и саму структуру вещей.

В отчаянии Кайрон рванулся вперёд, делая резкий выпад, и один из нападавших отшатнулся, теряя равновесие. Этого мгновения хватило: Кайрон метнулся к двери, выскочил в коридор и помчался вперёд, не разбирая дороги. За спиной слышались крики и звон металла, но он не оглядывался.

Он мчался по лабиринту коридоров, сворачивая наугад, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Наконец он выскочил в один из боковых дворов — маленький, заброшенный, заросший сухой травой. Здесь было тихо, только ветер гулял между стенами, и Кайрон остановился, прижимаясь к холодной кладке, чтобы перевести дыхание.

Его пальцы дрожали, когда он достал из кармана фрагмент карты. Он смотрел на линии, на точки, на обозначения, и понимал: кто-то хочет, чтобы Империя рухнула. И это были не враги извне, не чужеземные армии, не дикие племена из пустыни. Это были те, кто стоял у власти, кто знал все её слабости, кто понимал, как сломать шпиль и освободить то, что было заперто под городом.

Кайрон сжал карту в кулаке, чувствуя, как пергамент мнётся под пальцами. Теперь он знал слишком много — и это делало его опасным. Для заговорщиков. Для Империи. Для самого себя.

Над городом нависали чёрные шпили, острые, как клин-

ки, и Кайрону вдруг показалось, что они не защищают Империю, а удерживают её в плену. Они были сердцем этой державы — огромным, холодным, бьющимся в ритме древних ритуалов. И если этот ритм нарушится, если шпили замолчат, тьма вырвется наружу, и не останется ни стен, ни армий, ни героев, способных её остановить.

Кайрон выпрямился, вытер со лба пот и пошёл прочь, стараясь держаться в тени. Впереди его ждали новые тайны, новые враги и, возможно, последняя битва за Империю чёрных шпилей. Но теперь он знал: чтобы спасти её, ему придётся заглянуть в самое сердце тьмы — туда, где шпили встречались с подземельями, и где древнее зло уже протягивало свои когти к свету.

Глава 5. «Шёпот в стенах»

Трущобы у подножия главного шпиля жили своей, отдельной от столицы жизнью. Здесь не было парадных улиц и полированного камня — только кривые переулки, зажатые между покосившимися домами, чьи стены будто съёжились под тяжестью нависающего над ними шпиля. Чёрный обсидиан здесь не блестел — он впитывал свет, делая сумерки вечными. Даже днём в этих кварталах царил полумрак, а тени казались гуще, чем положено теням.

Кайрон мчался по этим улицам, не разбирая дороги, чувствуя, как каждый шаг отдаётся эхом, который, казалось, летел не по воздуху, а сквозь камень. За ним гнались — не за-

говорщики, не безликие убийцы из библиотеки, а имперская стража: тяжёлые сапоги грохотали по брусчатке, металлические бляхи звенели, как погребальный колокол. Приказ был ясен: задержать офицера Кайрона для «дополнительного допроса». Но Кайрон знал: после такого допроса редко кто возвращался прежним.

Он нырнул в узкий проход между двумя домами, где даже вытянутая рука касалась обеих стен. Здесь пахло сыростью, гарью и чем-то кислым — будто сама земля устала держать на себе этот город. В конце прохода была старая лестница, ведущая вниз, в сеть подземных ходов, о которых знали только местные. Кайрон рванул вниз, перескакивая через сломанные ступени, и в тот момент, когда сапоги стражников уже звучали у входа в переулок, он исчез в темноте.

Внизу было тихо. Не та тишина, что бывает в пустых местах, а густая, плотная, будто пропитанная шёпотом. Кайрон остановился, прислушиваясь. И вдруг понял: шёпот был не в его голове. Он шёл из стен.

— Ты слышишь? — голос прозвучал совсем рядом, и Кайрон едва не выхватил меч.

Из темноты выступила девушка. В полумраке её глаза казались почти чёрными, а волосы — пепельными, будто покрытыми пылью веков. Она стояла спокойно, без страха, и смотрела на него так, будто ждала именно его.

— Кто ты? — Кайрон старался говорить тихо, но голос всё равно прозвучал резко, как удар клинка.

— Лира, — она чуть наклонила голову, прислушиваясь к чему-то, чего Кайрон не мог уловить. — А ты бежишь от тех, кто должен тебя защищать.

— Они не защищают, — Кайрон опустил меч, но не убрал его в ножны. — Они охотятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.